

Научная статья

УДК 101.1

doi: 10.17223/1998863X/85/8

ФИЛОСОФСКИЙ СКЕПТИЦИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ ТОМАСА КУНА

Оксана Ивановна Целищева

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, oxanatse@gmail.com*

Аннотация. В статье показано, что концептуально парадигма Куна эквивалентна «паутине вер» Куайна, поскольку обе концепции производны от холизма, а также что первичной является концепция Куайна. Ее следствием является скептический тезис о неопределенности перевода, что равносильно несоизмеримости парадигм. Это свидетельствует о близости взглядов Куна к скептическому аргументу. Критика взглядов Куайна используется для демонстрации слабых сторон концепции Куна. Продемонстрировано, что это может быть сделано в двух направлениях. Во-первых, демонстрацией неправдоподобности тезиса Куайна в реальных контекстах исторических эпизодов и, во-вторых, отказом от самого понятия концептуальных схем, с соответствующим обесцениванием их сравнения. Наконец, понятие парадигмы может быть просто отвергнуто в пользу альтернативного понятия стиля научного мышления, введенного А. Кромби, которое вообще не нуждается в поддержке со стороны скептических аргументов.

Ключевые слова: парадигма, Кун, скептический аргумент, Куайн, неопределенность перевода, концептуальная схема, гештальт-переключение

Для цитирования: Целищева О.И. Философский скептицизм и концепция развития науки Томаса Куна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 93–103. doi: 10.17223/1998863X/85/8

Original article

PHILOSOPHICAL SKEPTICISM AND KUHN'S CONCEPT OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT

Oxana I. Tselishcheva

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, oxanatse@gmail.com*

Abstract. Kuhn's famous book *The Structure of Scientific Revolutions* was addressed to the physical scientific community, but gained considerable popularity among representatives of the humanities. This article offers an explanation for this circumstance by the proximity of Kuhn's views and his conceptual machinery to philosophical skeptical arguments about the nature of reality and knowledge. In particular, an analysis of two of Kuhn's theses is proposed: the interpretation of a paradigm shift as a Gestalt switch and the incommensurability of paradigms as the impossibility of translating the beliefs of representatives of different paradigms into each other. The first thesis is seen as Kuhn's own attempt to absurdly literalize Gestalt switching as switching between different worlds. The degree of error of Kuhn's thesis is considered in terms of the deliberate ambiguity of Kuhn's style and the ambiguity of his terminology. Kuhn's more serious mistake is to implicitly base scientific progress on human psychology and sociology. His theory explains the transition

from one paradigm to another in terms of sociology or psychology, rather than appealing to the objective merits of competing explanations. But if a person does not understand science as a search for explanations, the fact that it finds more and more new explanations, each of which is objectively better than the previous one, remains inexplicable. It is shown that conceptually, Kuhn's paradigm is equivalent to Quine's "web of faiths", since both concepts derive from holism, and also that Quine's concept is primary. Its consequence is a skeptical thesis about the uncertainty of translation, which is equivalent to the incommensurability of paradigms, which indicates the proximity of Kuhn's view to a skeptical argument. Then Quine's criticism is significantly reflected in Kuhn's view. It is shown that this criticism can be carried out in two directions. Firstly, it is the implausibility of Kuhn's thesis in the real contexts of historical episodes (Hacking), and, secondly, it is the rejection of the very concept of conceptual schemes, with a corresponding devaluation of their comparison (Davidson). Finally, the concept of a paradigm can simply be rejected in favor of an alternative concept of the style of scientific thinking introduced by Alistair Crombie, which does not need support from skeptical arguments at all.

Keywords: paradigm, Kuhn, skeptical argument, Quine, indeterminacy of translation, conceptual scheme, Gestalt transformation

For citation: Tselishcheva, O.I. (2025) Philosophical skepticism and Kuhn's concept of scientific development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 93–103. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/8

«Структура научных революций» Томаса Куна считается многими наиболее влиятельной ныне концепцией развития науки. Концепция основана на анализе ключевых событий истории физики на протяжении двух тысяч лет, начиная с античности и завершая началом XX в. Кун отказался от кумулятивного взгляда на науку, предложив вместо него историю научных революций, периодически сменяющих нормальную науку. Механизм такого рода событий описывается концептуальным аппаратом, включающим такие важные понятия, как научная парадигма, несоизмеримость парадигм. Любая теория в самом общем смысле слова имеет эмпирический базис; специфика взглядов исследователя на развитие науки определяется как выбором фактов и фигур, так и концептуальным аппаратом. В случае Куна баланс этих двух факторов оказался довольно своеобразным в зависимости от круга читателей: те, к кому должна была бы быть обращена книга, а именно физическое сообщество, скептически отнеслись к эмпирической части, т.е. к собственно истории физики в изложении Куна, в то время как «посторонние», а именно гуманитарная публика, с восторгом приняли концептуальную машинерию Куна.

Это последнее обстоятельство объяснялось отчасти тем, что доведение до абсурда понятия несоизмеримости парадигмы облегчало гуманитариям защиту собственных взглядов путем преуменьшения важности аргументации за счет обладания собственной парадигмой. Однако более важной оказалась близость концепции Куна философским взглядам о природе реальности и скептическим аргументам о возможности знания. Именно эта тематика оказалась в центре внимания дискуссий вокруг Куна, потеснив детали собственно исторического развития науки. В определенном смысле эти дискуссии стали прибежищем различного рода дискурсов, призванных обеспечить культурную детерминированность ключевых понятий науки. Постмодернистский упор на центральную роль социального конструирования вещей и значений обеспечил книге огромный успех у самой разнооб-

разной публики, которая на некоторое время стала настольной книгой для значительного круга людей, но не тех, кого сам Кун имел в виду в качестве своих читателей.

В этой связи возникает вопрос, куда отнести Куна – к собственно историкам науки или же его следует считать философом. Дело здесь не в классификационных сомнениях, а в том, что считать ресурсом Куна в описании им науки. Потому что этот ресурс, будь то философские соображения или же чисто историография науки, будет объяснением ряда неясных следствий теории Куна, вокруг которых идут споры. В частности, тезис данной статьи заключается в том, что «философская» и «психологическая» составляющие являются доминирующими. Кун был достаточно неосторожен, позволяя, например, говорить, что сдвиг парадигм в определенном смысле равносителен для исследователя переносу в другой мир, или утверждая невозможность коммуникации между учеными с разными парадигмами, с соответствующими скептическими заключениями об объективности познания мира.

Часто успех философского взгляда определяется изобретением своего «словаря» концепций. Сам перечень таких концепций у Куна – парадигма, несоизмеримость, нормальная наука, научная революция, аномалия, сдвиг парадигм – характерен, с одной стороны, тем, что эти понятия образуют замкнутый круг, когда объяснение одного понятия или концепции делается с помощью других, а с другой стороны, сами эти термины имеют широчайшее хождение в других контекстах. Такая двойственность приводит к впечатляющему разбросу смысла терминов словаря. В самом деле, ключевое понятие Куна – парадигма – по признанию некоторых вдумчивых читателей, употребляется в книге более чем в двух десятках смыслов (1. Р. 61). Можно, конечно, найти некоторые аналоги понятия парадигмы, скажем, в понятии «словаря» Р. Рорти [2], или же в «эпистеме» М. Фуко [3], или же в стиле мышления А. Кромби [4]. Но главный виновник разброса значений «парадигмы» сам Кун, для которого этот разброс был удобен а качестве «универсального ключа» для объяснения слишком широкого круга вопросов. И это относится не только к прямому термину «парадигма», но и к ассоциируемым с ним понятиям. Но как раз эта широта ведет к тому, что в общем-то то, что было призвано быть техническим термином в теории Куна, оказывается скорее термином других областей, что ведет к ряду неприятных философских следствий. М. Уилсон [5] называет этот феномен «блуждающим значением», когда своеволие языка вызывает непредвиденные ассоциации.

Именно это случилось с термином «сдвиг парадигм», которое оказалось связанным у Куна с гештальт-сдвигом. А вот уже последнее понятие, будучи термином из психологии, имеет свои коннотации, в конечном счете с тем, считать ли гештальт-переключения чисто субъективным феноменом или же придавать этим переходам некоторую степень объективности. Другими словами, переключения имеют место в «видении» некоторой реальности, или это переключения самой реальности (как бы ни странно звучало это). Ясно, что это вопрос кардинальной философской значимости, при обсуждении которого следует проявлять четкость, дабы не быть обвиненным в простой небрежности в выражениях, или же, по выражению критиков Куна, намеренном напусканнии тумана.

Но является ли простой небрежностью употребление такой формулировки: «То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывалось кроликом» [6. С. 151]. На самом деле Кун занимает скорее этакую диалектическую позицию.

Вот тезис:

В период научной революции ученые видят новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда используют обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Это выглядит так, как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы... [6. С. 151].

А вот и антитезис:

Конечно, в действительности все не так: нет никакого переселения в географическом смысле, вне стен лаборатории повседневная жизнь идет своим чередом [6. С. 151].

Ожидаемый от Куна примиряющий синтез оказывается все-таки крепко в сторону радикальной интерпретации гештальт-переключения: «Тем не менее, изменение в парадигме вынуждает ученых видеть мир их исследовательских проблем в ином свете. Поскольку они видят мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что после революции ученые имеют дело с иным миром» [6. С. 151].

Фактически на одной странице Кун ухитряется изрядно запутать читателя. В самом деле, «некоторые считают, что эта сторона работы Куна – сплошная неразбериха. Когда изменяются парадигмы, меняются и идеи. Стандарты изменяются также, и вполне возможно, изменяется и то, как мы воспринимаем мир. Но это сильно отличается от утверждения, что сам мир зависит от парадигм. То, как кажутся вещи, действительно изменяется, но сам мир не меняется. Глава X (в оригинальном издании. – *О.Ц.*), совпадающая с X-рейтинговым обозначением возрастных ограничений, – худший материал в великой книге Куна. Было бы лучше, если бы он забыл эту главу в такси, совершив одну из тех знаменитых ошибок, которые часто делают писатели» [7. Р. 96].

Конечно же, интерпретация диалектического преподнесения Куном проблемы соотношения объективности или субъективности опирается на важность, с точки зрения Куна, гештальт-экспериментов «для исследования некоторых следствий, к которым приводят [мои] научные убеждения». И здесь Кун допускает, что «исторический пример призван доказать, что психологические эксперименты вносят свой вклад в объяснение развития науки». И вся остальная часть злосчастной главы X посвящена примерам из истории науки, которые как будто подтверждают важность психологии для целой концепции Куна. В этом отношении характерно подтверждение присутствия психологического ингредиента в концепции парадигмы. Если напрямую связывать концепцию парадигмы с гештальт-экспериментами (интерпретация, предложенная мною в квадратных скобках), тогда цитата Куна выглядит следующим образом: «Вот почему головоломки нормальной науки столь завлекательны, а измерения, предпринимаемые без парадигмы (в том числе в виде гештальт-экспериментов. – *О.Ц.*), так редко приводят к каким-либо результатам вообще. Данные сами изменились [в ходе гештальт-переключения]. Это послед-

нее, что мы имеем в виду, когда говорим, что после революции ученые работают в другом мире» [6. С. 180].

Если не прибегать к буквальному прочтению метафоры, остается лишь фиксировать важность психологии в понимании куновской машинерии. Хотя Кун всяческим образом пытался «отговорить» своих читателей от такого видения научной революции, научный прогресс в конечном счете оказывался основанным на человеческой психологии и социологии.

Дойч считает, что «...если рассмотреть теорию Куна как описание или анализ научного прогресса, мы увидим ее роковую ошибку. Эта теория объясняет переход от одной парадигмы к другой в терминах социологии или психологии, вместо того чтобы говорить об объективных достоинствах соперничающих объяснений. Но если человек не понимает науку как поиск объяснений, тот факт, что она находит все новые и новые объяснения, каждое из которых объективно лучше предыдущего, остается необъяснимым» [8. С. 539–540].

Многие «места обитания» куновского понятия парадигмы, как и сопровождающих ее понятий вроде несоизмеримости парадигм, во многом определяются уже упомянутой выше многозначностью самого термина. Но при всех коннотациях и смыслах термина «парадигма» обсуждение куновской концепции сталкивается с обвинением в релятивизме. Здесь мы имеем дело с еще одним «местом обитания» парадигмы, теперь уже в философии. При этом трудно локализовать ту часть философии, которая полагается уместной самим Куном. Э. Моррис выражает это обстоятельство следующим образом: «*Структура [научной революции]* напоминает тряпичную куклу, сшитую из разных частей в единое целое. Консерватизм обычной науки мог исходить от Пьера Дюгема; неявное знание – от Майкла Поляни; «видение [в гештальт-переключении]» – от Норвуда Рассела Хансона; неопределенность перевода – от Куайна; социальное конструирование знания – от Витгенштейна» [9. С. 39].

Упоминание двух последних является существенным. Действительно, концепция Куна стала ассоциироваться со скептическими аргументами, в той или иной степени ведущими к релятивизму в отношении истины, значения и реальности. В литературе есть множество форм таких аргументов, каждый из которых не является напрямую буквальным отрицанием соответствующих понятий, но представляет собой зачастую довольно метафорическую картину, претендующую на заключительность. Здесь мы можем начать с формы жизни, или языковой игры Витгенштейна в версии Крипке [10], продолжить с тезисом о невозможности радикального перевода или неопределенности указания У. Куайна [11] и завершить известными мысленными экспериментами Х. Патнэма о природе значения [12]. Этот перечень вовсе не исчерпывает, естественно, множества интереснейших рассуждений скептического толка и служит лишь в качестве демонстрации вариаций соотношения точных деталей и метафоричности. В данном случае особый интерес представляет близость концепции Куна к скептическому аргументу Куайна.

Хотя сопоставление имен Куна и Куайна не часто фигурирует вместе, утверждение об общности их эпистемологических точек зрения основано на

приверженности к семантическому холизму. Концепция неопределенности указания Куайна откровенно холистична, будучи воплощенной в понятии сети (или паутины) вер [13]. Холизм Куна запрятан в расплывчатую картину парадигмы, но раскрывается в смежных с ней понятиях типа несоизмеримости парадигм. Согласно популярному изложению последнего понятия, двое ученых могут столкнуться с трудностями в достижении согласия относительно правильного подхода к решению проблем, если их опыт работы в рамках своих парадигм существенно отличается. Более точно, несоизмеримость парадигм аналогична, если не сказать больше, тезису о неопределенности перевода Куайна: разрешение споров между учеными с разными парадигмами невозможно, если не удастся достичь глобального согласия по схемам перевода от одной концептуальной схемы к другой. Оба мыслителя, Куайн и Кун, приходят к скептическим заключениям более или менее одинакового толка.

Куайн исходит из соображений, связанных с холистической природой указания в языке. Кун исходит из совершенно иных соображений о факторах развития науки. Но вот как М. Уилсон описывает «сползание» Куна к холизму схожего толка: «Пока все шло хорошо. Но затем Кун решает, во-первых, что его совокупность факторов должна быть собрана вместе под альтернативным названием „парадигма“ и что эта туманная совокупность должна служить семантической основой, из которой данный ученый извлекает свои применимые стандарты корректности для того или иного термина. Кун, как известно, сравнивает действие парадигмы с неким всеобъемлющим гештальтом, который необратимо окрашивает то, как его жертвы воспринимают мир. Очевидно, что стремление собрать разрозненные направленности в единую куновскую связку прослеживается к желанию создать более туманный имитатор... контента» [5. Р. 395].

Обе позиции проявляют скептицизм, будучи лишь в одном шаге от тотального скептицизма: в некотором смысле сторонники конкурирующих парадигм практикуют свои профессии в разных мирах, или же концептуальные схемы разных не могут быть переведены друг в друга. Другими словами, закон, который не может быть даже продемонстрирован одной группе ученых, может показаться интуитивно очевидным для другой. Равным образом, именно поэтому, прежде чем они смогут надеяться на полноценное общение, та или иная группа должна пережить обращение в новую веру, которое мы называем сдвигом парадигмы.

При такой тесной аналогии между Куайном и Куном возникает искушение взаимозависимой оценки предлагаемых ими аргументов в пользу скептицизма. В самом деле, «к сожалению, [их] история делает весьма маловероятным, что двое ученых, работающих в рамках разных парадигм, действительно „поймут“ друг друга – мрачный вывод, который Кун, как известно, принимает и использует для объяснения тупиковых ситуаций, в которые часто заходят конкурирующие исследователи... Как только мы заменим [научный дискурс] на расплывчатую „паутину веры“ Куайна или психологизированную „парадигму“ Куна, более мрачное описание коммуникативной способности возникает просто потому, что поддерживающая сеть между нашими [концепциями] сейчас в значительной степени скрыта от внимания, недоступна для взаимного обсуждения. По известной фразе

Куна, языки двух ученых, придерживающихся разных парадигм, могут оказаться несоизмеримыми...» [5. P. 397]. При такой стратегии успех скептицизма Куна почти напрямую зависит от успеха скептицизма Куайна, и существенная неправдоподобность последнего окажется неправдоподобностью первого.

С более «приземленной» точки зрения упомянутые выше скептические аргументы в применении к концепции Куна говорят о том, что двое ученых не могут найти общего языка, потому что невозможен радикальный (читай, «правильный») перевод от концептуальной схемы одного к концептуальной схеме другого. Особенно это видно в случае Куайна, «гавагаи» которого гуляет по философской литературе в качестве мысленного эксперимента. Такой жанр аргументации в философии распространен, и, конечно, его успех в значительной степени определяется, насколько он близко подходит к реально выполнимым практикам. Чем более он абстрактен, тем более он обоснован. Вряд ли можно предъявить претензии к злонамеренному демону Декарта, но их можно предъявить практической процедуре перевода «гавагаи». Последняя выглядит крайне неправдоподобно в практическом аспекте, будучи примером обыденной, хорошо понятой человеческой деятельности. Даже при должном уважении к традиции мысленного эксперимента у многих философов есть возражения против резкого контраста между вымыслом и реальностью, которые просто обесценивают мысленные эксперименты. Тем самым обесценивается в определенном смысле концепция несоизмеримости парадигм, понимаемая как невозможность радикального перевода.

Ян Хакинг высказывается по поводу мысленного эксперимента Куайна довольно резко: «Доктрины У. Куайна о неопределенности перевода и непостижимости указания оказали огромное влияние. Эти доктрины касаются логических возможностей, а не того, что происходит на самом деле, но они подкрепляются рассказами о довольно постоянных неправильных переводах. В этой заметке утверждается, что эти забавные притчи являются ложью. Некоторые читатели возразят, что это ничего не говорит о логической точке зрения самого Куайна. Я в этом так не уверен. Если что-то утверждается как логическая возможность перевода, который никогда не приближается ни на йоту в реальной жизни, не можем ли мы начинать подозревать, что концепция перевода, которая воспринимается как нечто само собой разумеющееся, может быть ошибочной?» [14. С. 176].

Хакинг приводит примеры реального перевода терминов из разных культур и так отвечает на поставленный им же вопрос: «Я не могу доказать, что радикальных ошибок в переводе никогда не бывает. Но я покажу, что некоторые известные предполагаемые малостензии являются подделками, основанными на слухах, и опровергнутыми фактами. Это может иметь значение для тезиса о неопределенности перевода У. Куайна. Его доктрина имеет характер аргюи, но пользуется доверием благодаря анекдотам. Мы склонны считать, что неопределенность – это радикальный неправильный перевод, доведенный до предела, когда никакая возможная информация не может определить, какой из двух несовместимых переводов правильный. Я отвергаю правдоподобие этого аргумента, опровергая анекдоты, с которых он начинается» [14. С. 177].

Таким образом, ассоциация несоизмеримости парадигм Куна с неопределенностью перевода Куайна не поддерживается «реальной жизнью», и, стало быть, несоизмеримость лишается респектабельности скептических аргументов, основанных на анекдотах. Но есть более респектабельное понятие концептуальной схемы. Фактически как Кун, так и Куайн настаивают на конфликте, доходящем до несопоставимости или даже противоречивости концептуальных схем. Другими словами, смысл несоизмеримости и неопределенности перевода придается более базисным понятием концептуальной схемы. Именно в использовании этого понятия видный философ Д. Дэвидсон видит неправдоподобность аргументов о несоизмеримости Куна и неопределенности перевода Куайна. Дэвидсон атакует само понятие концептуальной схемы [15]. Невозможность перевода в духе Куайна отвергается им потому, что трудно понять представление, как некоторое сообщество обладает такими убеждениями, которые недоступны другому сообществу: в любом случае есть некоторая общность в основе любых дискурсов.

Разработанная Дэвидсоном концепция интерпретации является достаточно радикальной, поскольку имеет дело с кардинальными вопросами соотношения языка и реальности, и она не упрощается предположением о некотором тотальном дискурсе, который лежит в основе все остальных. Не упрощается она и за счет предположения о частичном переводе дискурсов различных сообществ. Таким образом, «эмпирические» примеры Я. Хакинга о реальных практиках перевода дополняются в высшей степени теоретическими соображениями Дэвидсона, в совокупности показывающими уязвимость скептических аргументов Куайна, тем самым ослабляя позиции Куна.

Но, может быть, драматические изменения по ходу развития науки можно объяснять и менее драматическим образом, чем парадигмами и несоизмеримостью Куна, и ассоциированными с ними тезисами Куайна о невозможности радикального перевода. Если это так, тогда зависимость объяснения развития науки от скептических аргументов будет менее сильной. В этом отношении важная работа проделана историком науки А.К. Кромби, запустившим в оборот терминологию «стилей научного мышления» [4].

В отличие от подхода Куна, который, по мнению многих исследователей, отдает слишком много иррациональному в объяснении природы парадигм (включая гештальт-переключения) как «происшествий» в мире мышления, Кромби делает упор на важности аргументации, которая занимает важное место в перечне стилей. Любопытной особенностью концепции Кромби является «кумулятивный» характер научного развития, на что намекает Я. Хакинг: «Перечень [стилей научного мышления] сам по себе является исторической прогрессией, каждый стиль начинается позже, чем его предшественник в списке, и его изложение каждого последующего стиля завершается ближе к современности, чем его описания предшествующих стилей. Однако то, что меня поражает, так это тот неисторический момент, что все шесть стилей живы и в полном здравии, ну прямо сейчас» [16. С. 209].

Здесь термин «кумулятивный» можно употреблять в некотором переносном смысле, в качестве противопоставления с куновским прерывистым развитием, потому что стили мышления не поглощают друг друга и их взаимодействие подчиняется более сложным паттернам научного развития. Более

того, ввиду важности аргументации у Кромби, более правильно говорить не о стилях мышления, а о стилях рассуждения в науке. При таком подходе история науки у Кромби более сходна с массой деталей в истории науки, включая мотивы ее героев. В любом случае эти мотивы излагаются как попытки рационального объяснения, не отдавая их на откуп «иррациональным» или «бессознательным» действиям парадигм.

Пресловутая иррациональность подхода Куна вызывала протесты даже у тех «историцистов» науки, которых традиционно относят к союзникам Куна. Так, И. Лакатос писал: «Таким образом, с точки зрения Куна, научная революция иррациональна, это вопрос психологии толпы...» [17. Р. 187]. Это приводит к довольно неоднозначному представлению о научном прогрессе, основанному на человеческой психологии и социологии, а отсюда к обвинениям в релятивизме. Кун сопротивлялся этому обвинению, но его трудно сбрасывать со счетов. В любом случае Лакатос утверждает идею «рациональной реконструкции».

Приведенные выше рассуждения свидетельствуют о том, что взгляды Куна не выдерживают известного критерия «дьявол в деталях» в отношении правдоподобности какой-либо концепции. В этом духе видный аналитический философ М. Уилсон замечает: «Я редко нахожу полезным рассматривать разногласия, которые разделяют двух ученых, как результат фундаментальных различий в гештальте или парадигме, как это делал Томас Кун. Попытка скрыть разногласия за аморфной оболочкой „парадигмы“ направляет наше внимание на пустое и бесполезное небо, в то время как вместо этого мы должны искать мелочи, которые лучше объяснят неразрешимость рассматриваемых проблем» [5. Р. 653–654].

Таким образом, нынешний взгляд на концепцию Куна утверждает его близость к скептическим аргументам, доведение которых до крайности оказывает ему плохую службу. Тот же Уилсон замечает, что провозглашенная Куном «неспособность к «коммуникации» наводит на мысль, что акт убеждения коллеги-ученого должен представлять собой скорее проявление грубой силы, чем рациональную дискуссию, – предположение, за которое постструктуралисты ухватились с безумным энтузиазмом... Сам Кун не хотел, чтобы его доктрины доводились до подобных крайностей, но он никогда в любом случае успешно не смягчал психологизированный холизм, который приближал его к таким несчастьям» [5. Р. 653–654].

Нынешние исследователи предъявляют Куну два среди прочих упрека: буквальное следование скептическим, доводимым до абсурда аргументам и отсутствие их правдоподобия при детальном исследовании в контексте практики научного исследования. Понимание важности деталей в рассмотрении концепции Куна значительно обесценивает его распространенный взгляд на механизм развития науки.

Список источников

1. *Masterman M.* The Nature of Paradigm // *Criticism and the Growth of Knowledge* / ed. I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 59–90.
2. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск : Сибирское университетское изд-во, 1997.
3. *Автономова Н.С.* Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : А-сэд, 1994. С. 7–27.

4. *Crombie A.C. Styles of Scientific Thinking in the European Tradition*. London : Gerald Duckworth & Company, 1994. Vol. 3.
5. *Wilson M. Wandering Significance: An Essay on Conceptual Behavior*. Oxford : Clarendon Press, 2006.
6. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налегова. М. : Прогресс, 1977.
7. *Godfrey-Smith P. Theory and Reality: an introduction to philosophy of science*. Chicago : Chicago University Press, 2003.
8. Дойч Д. Структура реальности. М. : Альпина, 2018.
9. Моррис Э. Пепельница / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон-плюс, 2023.
10. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева. М. : Канон-плюс, 2010.
11. *Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays*. New York : Columbia University Press, 1969.
12. *Putnam H. The Meaning of 'Meaning' // Philosophical Papers. Vol. 2: Mind, Language and Reality*. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.
13. *Quine W.V., Ullian J.S. The Web of Belief*. New York : Random House, 1970.
14. Хакинэ Я. Был ли когда-нибудь радикальный неправильный перевод? // Хакинэ Я. Историческая онтология / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон-плюс, 2024.
15. *Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Davidson, Donald, Inquiries Into Truth And Interpretation*. Oxford University Press, 1984. P. 183–198.
16. Хакинэ Я. Стиль для историков и философов // Хакинэ Я. Историческая онтология / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон-плюс, 2024.
17. *Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge / eds. I. Lakatos, A. Musgrave*. Cambridge : Cambridge University Press, 1970.

References

1. Masterman, M. (1990) The Nature of Paradigm. In: Lakatos, I. & Musgrave, A. (eds) *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 59–90.
2. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and Mirror of Nature]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.
3. Avtonomova, N.S. (1994) Mishel Fuko i ego kniga "Slova b veschi" [Michel Foucault and his book "Words and Things"]. In: Foucault, M. *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. Translated from French. Moscow: A-cad. pp. 7–27.
4. Crombie, A.C. (1994) *Styles of Scientific Thinking in the European Tradition*. London: Gerald Duckworth & Company.
5. Wilson, M. (2006) *Wandering Significance: An Essay on Conceptual Behavior*. Oxford: Clarendon Press.
6. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I.Z. Naletov. Moscow: Progress, 1977.
7. Godfrey-Smith, P. (2003) *Theory and Reality: An Introduction to Philosophy of Science*. Chicago: Chicago University Press.
8. Deutsch, D. (2018) *Struktura real'nosti* [The Fabric of Reality]. Moscow: Alpina.
9. Morris, E. (2023) *Pepel'nitsa* [The Ashtray]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
10. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Ladov & V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+.
11. Quine, W.V. (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press.
12. Putnam, H. (1975) The Meaning of 'Meaning'. In: Putnam, H. (ed.) *Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 215–271.
13. Quine, W.V. & Ullian, J.S. (1970) *The Web of Belief*. New York: Random House.
14. Hacking, I. (2024a) *Istoricheskaya ontologiya* [Historical Ontology] Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+. pp. 176–183.
15. Davidson, D. (1984) *Inquiries Into Truth And Interpretation*. pp. 183–198: Oxford University Press.
16. Hacking, I. (2024b) *Istoricheskaya ontologiya* [Historical Ontology] Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+. pp. 204–227.

17. Lakatos, I. (1970) Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In: Lakatos, I. & Musgrave, A. (eds) *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 91–196.

Сведения об авторе:

Целищева О.И. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: oxanatse@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tselishcheva O.I. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oxanatse@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 30.06.2025
The article was submitted 10.04.2025;
approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 30.06.2025*